

ЯРОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪ ДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно.

Цѣна за годовое изданіе 6 рублей
съ пересылкою.

Подписка принимается въ
Редакціи при Ярославской
Духовной Консисгоріи.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 39.

№ 39

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Преосвященному Іонавану, Архіепископу Ярославскому и Ростовскому.

*О распредѣленіи въ постоянное, съ 1 Января 1902 года, содержа-
ніе 953 бѣднѣйшихъ причтовъ 43 епархій 343.834 руб. 42 коп.,
объ отпускѣ въ распоряженіе Грузино-Имеретинской Синодаль-
ной Конторы 21.000 р. для распредѣленія причтамъ Грузинской,
Имеретинской и Гурійско-Мингрельской епархій и объ ассигно-
ваніи 5.000 р. на содержаніе духовенства Тобольской епархіи.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Свя-
тѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Си-
нодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 10 августа сего года № 18828,
а) о распредѣленіи въ постоянное, съ 1 Января 1902 года, содер-
жаніе 953 бѣднѣйшихъ причтовъ 43 епархій 343,834 руб. 42 коп.,
оставшихся неразассигнованными изъ кредита, отпущеннаго изъ
казны по § 6 ст. 1 финансовой смѣты Святѣйшаго Синода 1902
года на содержаніе городского и сельскаго духовенства, б) объ

отпускъ изъ того же кредита 21,000 рублей въ распоряженіе Грузино-Имеретинской Синодальной Конторы, для распредѣленія сей суммы, по ближайшему усмотрѣнію Конторы, въ постоянное съ 1902 года содержаніе причтамъ Грузинской, Имеретинской и Гурійско-Мингрельской епархій и в) объ ассигнованіи 5,000 руб. на пополненіе суммы, недостающей на содержаніе духовенства Тобольской епархіи. *Приказали:* Согласно настоящему предложенію, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 2) разрѣшить Хозяйственному Управленію остающіеся неразассигнованными изъ отпущенной по Высочайше утвержденному 5 Ноября 1901 года мѣрѣнію Государственнаго Совѣта дополнительной суммы на содержаніе городского и сельскаго духовенства въ 500,000 рублей: а) 343,834 руб. 42 коп. распредѣлить въ постоянное, съ 1 Января 1902 года, содержаніе 953 бѣднѣйшимъ причтамъ 43 епархій соответственно прилагаемымъ при семь вѣдомостямъ, б) 21,000 рублей отпустить въ распоряженіе Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторы, для распредѣленія, по ближайшему ея усмотрѣнію, въ постоянное съ 1902 года содержаніе причтамъ Грузинской, Имеретинской и Гурійско-Мингрельской епархій по 7,000 рублей на каждую, въ предѣльныхъ размѣрахъ, согласно объясненію, изложенному въ вѣдомостяхъ по тѣмъ епархіямъ и в) ассигновать изъ того же кредита 5,000 рублей въ пополненіе суммы, недостающей на содержаніе духовенства Тобольской епархіи, согласно сдѣланному въ вѣдомости объясненію: 2) распредѣляемое нынѣ содержаніе назначить къ отпуску причтамъ съ 1 Января текущаго года за весь годъ, но съ тѣмъ, чтобы оно производилось по расчету времени дѣйствительной службы при тѣхъ приходяхъ, на которое содержаніе назначено. Такъ какъ при этомъ несомнѣнно образуются остатки отъ некомплекта причтовъ, то, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, предоставить Епархіальнымъ Преосвященнымъ, не испрашивая на то особаго разрѣшенія Святѣйшаго Синода, распредѣлить эти остатки между другими бѣднѣйшими причтами, въ видѣ пособія за текущій же годъ, и списки таковыхъ причтовъ сообщить Хозяйственному Управленію, для назначенія имъ, если окажется возможнымъ, постояннаго содержанія изъ казны съ будущаго года; 3) вновь подтвердить Епархіальнымъ Преосвященнымъ, что предоставляемое имъ Святѣйшимъ Синодомъ право распредѣленія въ видѣ пособія между бѣднѣйшими причтами могущихъ образоваться

остатковъ распространяется лишь на остатки отъ ассигнуемой нынѣ суммы (343.834 руб. 42 коп. + 21.000 руб. + 6.000 руб. = 369.834 руб. 42 коп.) и для выдачи лишь за нынѣшній годъ, а отнюдь не на остатки отъ какихъ либо другихъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе духовенства по распоряженіямъ, послѣдовавшимъ, какъ въ текущемъ году, такъ и въ прежніе годы, каковыя остатки, согласно Высочайше утвержденному 24 апрѣля 1884 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, поступаютъ въ спеціальныя средства Святѣйшаго Синода и могутъ быть расходуемы лишь по его непосредственному усмотрѣнію, и 4) предписать Грузино-Имеретинской Синодальной Конторѣ, по распределеніи отпускаемыхъ въ ея распоряженіе 21.000 руб., между причтами Грузинской, Имеретинской и Гурійско-Мингрельской епархій, подробные списки таковыхъ причтовъ, коимъ будетъ назначено вновь или увеличено содержаніе съ 1902 года, доставить въ Хозяйственное при Святѣйшемъ Синодѣ Управление. Для надлежащаго по сему опредѣленію исполненія передать выписку изъ онаго въ Хозяйственное Управление, а Грузино-Имеретинской Синодальной Конторѣ и Преосвященнымъ 43 епархій послать печатные указы, съ приложеніемъ вѣдомости по каждой епархій объ уѣздахъ, приходсахъ и причтахъ, коимъ назначено жалованье. Сентября 10 дня 1902 года. № 13. *Оберъ-Секретарь Н. Токмаковъ. Секретарь М. Гордѣевъ.*

332	—	—	Предпріимствъ перловъ—токъ	3
332	—	—	Людскіи уѣздъ	
332	—	—	С. Кіево—токъ	4
332	—	—	С. Подляччодоръ—токъ	5
332	—	—	С. Мезодоро—токъ	6
332	—	—	С. Воеводское въ Одрѣвѣ	7
141	—	—	Свѣдѣнія по 234 р.	
132	—	—	двѣ псаломщицы по 38 р.	
332	—	—	С. Ровъ (двѣ псаломщицы): свѣдѣнія по 234 р.	8

ВѢДОМОСТЬ

о причтахъ Ярославской епархіи, коимъ вновь назначается или увеличивается содержание на счетъ кредита, добавленнаго изъ казны по § 6 ст. 1 финансовой смѣты Св. Синода 1902 года.

№№ по порядку.	Наименованіе приходовъ и составъ причтовъ.	Получаемое изъ казны содержаніе (гдѣ есть).		Вновь назначается изъ казны (или добавляется) въ постоянное содержаніе съ 1902 г.	
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
		За вычетомъ 2% на пенсіи.			
	<i>Даниловскій уѣздъ.</i>				
1	С. Бабурино: священникъ 294 — псаломщикъ 98 —	—	—	392	—
2	С. Спасъ-Ѳомирское по тому же расчету	—	—	392	—
	<i>Г. Любимъ.</i>				
3	Предтеченская церковь—тоже	—	—	392	—
	<i>Любимскій уѣздъ.</i>				
4	С. Кіово—тоже	—	—	392	—
5	С. Подчай-Городокъ—тоже	—	—	392	—
6	С. Мечеходово—тоже	—	—	392	—
7	С. Воскресенское на Обнорѣ: два священника по 294 р. діаконъ два псаломщика по 98 р.	— — —	— — —	588 147 196	— — —
	<i>Мологскій уѣздъ.</i>				
8	С. Рой (быв. пуст.): свящ.—294 р. псаломщикъ—98 р.	—	—	392	—

	<i>Мышкинскій уездъ.</i>				
9	С. Семеновское—по тому же рас- чету	—	—	392	—
	<i>Пошехонскій уездъ.</i>				
10	С. Верховье на Югу священникъ .	—	—	294	—
	діаконъ	—	—	147	—
	псаломщикъ	—	—	98	—
11	С. Давшино: священникъ 294 р. . .	—	—	—	—
	псаломщикъ 98 р.	—	—	392	—
12	С. Князево— по тому же расчету .	—	—	392	—
	<i>Г. Р.-Борисоглѣбскъ.</i>				
13	Покровская церковь - тоже	—	—	392	—
	<i>Р.-Борисоглѣбскій уездъ.</i>				
14	С. Воздвиженское на Волгѣ—тоже	—	—	392	—
	<i>Г. Ростовъ.</i>				
15	Введенская церковь—тоже	—	—	392	—
	<i>Ростовскій уездъ.</i>				
16	С. Георгіевское на Песѣихъ лукахъ —тоже.	—	—	392	—
17	С. Поддубново—тоже	—	—	392	—
	<i>Рыбинскій уездъ.</i>				
18	С. Сельцо—тоже	—	—	392	—
19	С. Никольс. въ Задубровѣ—тоже	—	—	392	—
	<i>Г. Ярославль.</i>				
20	Тихоновская церковь—тоже.	—	—	392	—
	<i>Ярославскій уездъ.</i>				
21	С. Лаврентьево на Холму—тоже . .	—	—	392	—

22	С. Акакіева пустынь—тоже	—	—	392	—
23	С. Гора Пятницкая—тоже	—	—	392	—
	Итого	—	—	9702	—

Оберъ-Секретарь *Н. Токмаковъ.*

Секретарь *М. Гордѣевъ.*

Распоряженіе Св. Синода.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 26 іюля 1902 года за № 5638, архимандритъ Ярославскаго архіерейскаго дома Ефремъ назначенъ на должность настоятеля свято-Александро-Аѳонской Зеленчукской пустыни, Ставропольской епархіи.

Отношеніе Предсѣдателя Комитета по постройкѣ соборнаго храма въ Асхабадѣ, отъ 3 августа 1902 года за № 3079, на имя Высокопреосвященнаго Іонавана Архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго.

О производствѣ вторичнаго денежнаго сбора по церквамъ епархіи на постройку собора въ Асхабадѣ.

Съ Высочайшаго соизволенія и благословенія Св. Синода, Комитету по постройкѣ соборнаго храма въ Асхабадѣ разрѣшенъ сборъ пожертвованій по всей Имперіи въ теченіе трехъ лѣтъ.

— Такъ какъ срокъ этотъ еще не истекъ, а сумма, собранная на храмъ недостаточна и дальнѣйшія пожертвованія почти совсѣмъ прекратились, то комитетъ усерднѣе проситъ Ваше Высокопреосвященство не отказать въ разрѣшеніи вторичнаго сбора въ церквахъ вѣренной Вамъ епархіи.

Преосвященный Владыка! Благословите духовнымъ пастырямъ обнародовать прилагаемое воззваніе и расположить прихожанъ къ пожертвованію на храмъ Божій, сооружаемый на нашей далекой окраинѣ.

На отношеніи семъ резолюція его Высокопреосвященства отъ 6 сентября за № 3262: Въ Консисторію для дальнѣйшихъ распоряженій. Арх. Іонаанъ.

Духовною Консисторіею, съ утверженія Его Высокопреосвященства, по сему отъ 19 сентября постановлено: такъ какъ Государемъ Императоромъ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада г. Оберъ-Прокурора Св. Синода 28 апрѣля 1900 года, изъявлено согласіе на предположеніе Св. Синода относительно открытія, въ теченіи трехъ лѣтъ, по церквамъ Имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій на постройку соборнаго храма въ Асхабадѣ *), то предписать всѣмъ оо. благочиннымъ церквей, настоятельницамъ и настоятелямъ монастырей епархіи о производствѣ вторичнаго сбора по всѣмъ церквамъ и монастырямъ епархіи на указанный предметъ немедленно, по полученіи сего распоряженія, и о представленіи собранныхъ суммъ безъ промедленія въ Консисторію для своевременной отсылки оныхъ по принадлежности.

ВОЗЗВАНІЕ.

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія открыты въ 1900 году по всей Имперіи сборъ пожертвованій на постройку соборнаго храма въ Асхабадѣ, къ 1 августа сего года, достигъ девяноста трехъ тысячъ рублей.

Православное населеніе г. Асхабада, глубоко тронутое отзывчивостью русскихъ людей на церковныя нужды нашей далекой Закаспійской окраины, приноситъ сердечнѣйшую благодарность всѣмъ жертвователямъ за ихъ щедрую жертву.

Какъ ни велика для нашей бѣдной и скудной страны собранная сумма, но она всеже недостаточна для постройки собор-

*) Церк. Вѣдом. 1900 г. № 23.

наго храма областного города со смѣшаннымъ инородческимъ населеніемъ. Храмъ проектируется величественный и красивой архитектуры, въ немъ не будетъ роскоши, но онъ будетъ соотвѣтствовать религіознымъ потребностямъ православнаго населенія и значенію православія среди иновѣрцевъ. Постройка храма по избранному проекту обойдется не менѣе 150.000 рублей. Между тѣмъ поступленіе пожертвованій за послѣднее время почти совсѣмъ прекратилось. Вотъ почему Комитетъ по постройкѣ храма вынужденъ вновь обратиться ко всѣмъ равнителямъ православія съ усерднѣйшей просьбой помочь довести начатое святое дѣло до благополучнаго конца. Комитетъ одушевленъ надеждой, что православный русскій народъ, украсившій безчисленными храмами Русь святую, съ живѣйшимъ участіемъ откликнется и на этотъ нашъ послѣдній призывъ.

Пожертвуйте, кто сколько можетъ! Не смущайтесь размѣромъ жертвы. Трудовыя копейки въ общемъ даютъ сотни тысячъ рублей; самая малая лепта будетъ принята съ такой же благодарностью, какъ и крупныя пожертвованія.

Пожертвованія просятъ адресовать: въ Асхабадъ, въ Комитетъ по постройкѣ соборнаго храма.

Содержаніе.—Указъ Св. Синода—о распредѣленіи въ постоянное содержаніе, съ 1 января 1902 года, 935 бѣднѣйшихъ причтовъ 43 епархій 343834 р. 42 к. Вѣдомость о причтахъ церквей Ярославской епархіи, коимъ изъ сей суммы вновь назначается на содержаніе 9702 р. Распоряженіе Св. Синода.—О производствѣ въ церквахъ епархіи сбора на достройку соборнаго храма въ Асхабадѣ.—Воззваніе строительнаго Комитета по сему предмету.

Редакторъ секретарь Консисторіи **Д. Молчановъ.**

Дозволено цензурою. Ярославль 1902 г. Типолит. Губ. Зем. Управы.

ЯРОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 39.

№ 39.

Образовательное значеніе изящной словесности.

Въ жизни человѣка бываютъ моменты, когда воспоминанія о прошедшемъ воскресаютъ въ его памяти съ такою силою, становятся такъ властны надъ душою, такъ трогаютъ его чувство и занимаютъ мысль, что человѣкъ «снова», какъ говорятъ, «переживаетъ» свое прошедшее. Бываютъ такіе моменты и въ жизни общественной: вниманіе многихъ людей разныхъ классовъ общества, разныхъ возрастовъ, людей различныхъ взглядовъ, — устремляется къ событіямъ и людямъ прошедшаго, оставившимъ неизгладимые слѣды въ жизни. И они драгоценны, эти единодушныя общественныя воспоминанія, — потому что объединяютъ мысли и чувства людей, иногда разрозненныя интересами настоящаго, — потому что связываютъ современную жизнь народа съ прошлымъ и объясняютъ первую послѣднимъ, — потому, наконецъ, что спокойное созерцаніе лучшихъ сторонъ жизни заглушаетъ тревожныя чувства, внушаемая иногда наличной дѣйствительностью. Такія времена подъема и повышенія духовной жизни вслѣдствіе лучшихъ историческихъ воспоминаній переживало и наше русское общество очень недавно, когда праздновало юбилеи нашихъ великихъ писателей А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Въ памятные майскіе дни конца минувшаго вѣка (26 мая 1899 г.), въ февральскіе и апрѣльскіе дни настоящаго года, въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашей обширной Россіи повторяли ихъ великія имена съ благоговѣніемъ, вспоминали ихъ славныя дѣла и заслуги передъ народомъ, перечитывали ихъ творенія — эти лучшіе, роскошныя, сохранившіе

во всей свѣжести свой чудный благоуханный ароматъ, цвѣты нашей изящной словесности XIX в., всматривались въ дорогія черты духовной фізіономіи и всеобъемлющаго художника-поэта, и пѣвца возвышеннаго идеализма, и самобытнаго писателя-реалиста. Съ замѣчательнымъ и рѣдкимъ единодушіемъ наше образованное общество хлопотало тогда о томъ, чтобы сдѣлать юбилей великихъ писателей общенародными праздниками просвѣщенія и, въ то время, какъ въ большихъ городахъ говорились прекрасныя рѣчи, разъяснявшія значеніе творчества родныхъ поэтовъ, въ селахъ и деревняхъ крестьянскія дѣти слушали ихъ жизнеописанія, читали и декламировали ихъ произведенія въ своихъ школахъ, а въ свои темныя и бѣдныя избы иногда приносили ихъ богатыя свѣтлыми мыслями книжки, присланныя добрыми людьми изъ города.

Въ настоящій день, когда мы справляемъ свой ежегодный учебный праздникъ, время уже настолько ушло впередъ, что самые дни юбилеевъ заслуживаютъ того, чтобы быть занесенными на страницы исторіи нашего просвѣщенія, какъ дни, ознаменовавшіе важныя успѣхи нашего національнаго самосознанія. Но это время не на столько и далеко отъ насъ, чтобы забыть о нѣкоторыхъ изъ недавно пережитыхъ впечатлѣній. Одна черта, общая всѣмъ тремъ разновременнымъ торжествамъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе: юбилей великихъ писателей были особенно торжественно отпразднованы въ стѣнахъ различныхъ учебныхъ заведеній. Что же означаетъ это явленіе? Очевидно то, что такіе общепризнанные представители изящной словесности, какъ Жуковский, Гоголь и Пушкинъ, имѣютъ громадное значеніе во внутренней жизни школы. Что давали и даютъ они для цѣлей школы такого, за что она ихъ особенно почитаетъ и должна почитать и благодарить, мы и хотѣли бы объяснить любителямъ школы и учащимся въ настоящее время, занявъ вниманіе вопросомъ о цѣнности образовательнаго матеріала изящной словесности для учебныхъ образовательныхъ занятій.

Изящная словесность даетъ богатый матеріалъ, разнообразный по содержанію и весьма цѣнный въ дѣлѣ умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія.

Причина богатства и разнообразія матеріала, заключающагося въ произведеніяхъ словеснаго творчества, объясняется тѣмъ, что они не имѣютъ предметомъ своего изображенія одну какую-

нибудь опредѣленную область матеріальнаго и духовнаго міра. Содержаніемъ ихъ служить изображеніе жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Изящная словесность знакомитъ насъ и съ внѣшнимъ матеріальнымъ міромъ. Яркими красками рисуетъ намъ она не только мѣстную природу, которую мы сами можемъ наблюдать и изучать, но и самыя отдаленныя страны. Жителя холоднаго и угрюмаго сѣвера въ одно мгновеніе переноситъ она на крайній югъ со всѣми чудесами его растительной и животной жизни; человѣку, знакомому лишь со степной или лѣсной равниной, съ долгими зимами и короткимъ лѣтомъ, съ шумомъ лѣса и завываніями снѣжной мятели, она рассказываетъ о знойныхъ песчаныхъ пустыняхъ, о гордыхъ пальмахъ въ оазисѣ, о вершинахъ горъ, уходящихъ въ небо, о вѣчной цвѣтущей веснѣ. И наоборотъ живущему на югѣ, на берегу сверкающаго, постоянно шумящаго моря, поэзія говоритъ о нѣмой дали зеленѣющихъ степей, о затишьи синяго бора и мчитъ его мысль туда, «гдѣ вѣтви блѣдныхъ ивъ склонились надъ прудомъ, гдѣ къ гнѣбному плетню прикинула рябина, гдѣ утро обдаетъ осеннимъ холодкомъ». Если такія описанія и рассказы писателя написаны живо, увлекательно, тепло, то ими зачитываются такъ, какъ многіе изъ насъ въ дѣтствѣ упивались рассказами Купера и Густава Эмара объ индѣйцахъ, повѣствованіями о жизни Робинзона Крузо на неизвѣстномъ островѣ, а въ болѣе позднемъ возрастѣ—картинами природы въ «Запискахъ охотника» Тургенева, въ сочиненіяхъ Аксакова, Данилевскаго, въ астрономическихъ романахъ Фламариона. Многіе мальчишки съ живымъ воображеніемъ получали и получаютъ отсюда больше географическихъ познаній о природѣ, чѣмъ изъ сухихъ и скучныхъ учебниковъ географіи. Сообщая интересныя и правдивыя свѣдѣнія о природѣ, изящная словесность можетъ, такимъ образомъ, пополнить недостатокъ естественно-научныхъ познаній и соприкоснуться съ громадной областью наукъ, имѣющихъ задачей—природовѣдѣніе. Конечно главный смыслъ литературы подобнаго рода не въ отрывочныхъ, иногда фантастическихъ, сообщеніяхъ, и никто не вздумаетъ обучать географіи, физикѣ, ботаникѣ и зоологіи по Жюль-Верну или Майнъ-Риду, но важно то, что литература своимъ изображеніемъ внѣшней природы можетъ породить интересъ къ природѣ, къ наблюденію и изученію, интересъ, который, современемъ, можетъ принять истинно-научный характеръ.

Но изящная словесность изображаетъ намъ природу преимущественно въ ея отношеніяхъ къ человѣку и человѣческой жизни; поэтическія описанія явленій природы составляютъ въ общемъ лишь фонъ той громадной и пестрой картины, которая на переднемъ планѣ изображаетъ жизнь человѣчества въ ея прошломъ и настоящемъ. Какъ бы ни былъ богатъ жизненный опытъ человѣка, онъ ограниченъ условіями пространства и времени, и человѣкъ можетъ знать лишь самую незначительную часть жизни, а юноша видитъ лишь самый маленькій уголокъ ея, иногда не далѣе его учебной комнаты. Между тѣмъ жизнь открывается духовному взору человѣка, какъ далекая и широкая дорога въ необъятную даль, заманчивая, полная прошедшими и грядущими событіями и вмѣстѣ загадочная, таинственная, покрытая для путника сильной дымкой тумана. «Что пророчить ея необъятный просторъ?», готовы мы воскликнуть вмѣстѣ съ Гоголемъ. Гдѣ найти отвѣтъ на тѣ мысли, думы и сомнѣнія, что закрадываются нерѣдко въ душу, часто не даютъ сна, отдыха и отвлекаютъ отъ всего остального въ мірѣ? Куда идти, гдѣ цѣль, смыслъ и конецъ жизненной дороги? Изящная словесность знакомитъ человѣка со всѣми предметами и явленіями, встрѣчающимися въ великомъ ходѣ современной и исторической жизни человѣчества и среди нихъ особенно отмѣчаетъ высшія проявленія ея. Забышему или не знающему о томъ, что истинные отвѣты на мучительные вопросы содержатся въ божественныхъ глаголахъ вѣчной Истины, она напоминаетъ: объ успокаивающихъ страницахъ Книги жизни, о призывномъ звонѣ церковнаго колокола въ Свѣтлый Праздникъ, о звукахъ торжественной церковной пѣсни, поющей о безсмертной жизни, о молитвѣ матери при блѣдномъ сіяніи лампы, зажженной передъ святой иконой. Лучшіе писатели древніе и новые, образами возвышенными и трогательными, въ словахъ, вышедшихъ изъ глубины великой души, говорятъ: о Богѣ, о безсмертіи, о призваніи человѣка, о вѣрѣ, правдѣ, любви, о страданіи и—надеждѣ. Жуковскій въ поэмѣ «Камоэнсъ» устами одного героя (Васко) такъ разясняетъ отношеніе поэзіи къ религіи:

О, Камоэнсъ! Поэзія небесной
Религія сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ, на пламени его

Свой факель зажигай! Твои всё братья

Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый

Хранительный свой огонь, и будутъ здѣсь

Ови во всѣхъ странахъ и временахъ

Для всѣхъ племень *звѣздами путевыми,*

При блескъ ихъ, чтобъ труженнѣ земной

Ни испыталъ душой онъ не падеть,

И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ!

Могутъ ли самыя остроумныя логическія построенія, вся глубина абстракціи возвысить насъ до того живаго сознанія Божества, которое дается лучшими созданіями религіозной поэзіи?—Истинная поэзія даетъ и здѣсь богатый образовательно-воспитательный матеріалъ, усвоеніе котораго можетъ не только обогатить воспримчивую душу представленіями высшаго порядка, прояснить смутныя понятія, но и затронуть дремлющія и забытыя религіозныя чувства.

Для изученія дѣйствительности самый главный матеріалъ даетъ именно изящная литература, такъ какъ она сама, создаваясь на основаніи дѣйствительности, представляетъ ея полное и вѣрное отраженіе. Она собираетъ весь тотъ разрозненный матеріалъ, что заключается въ мысляхъ, чувствахъ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ людей,—во всѣхъ тѣхъ явленіяхъ жизни, совокупность которыхъ нашъ языкъ такъ мѣтко называетъ словомъ «быть». Все то, мимо чего обыкновенный наблюдатель жизни прошелъ бы мимо, все это писатель замѣчаетъ, собираетъ и построитъ новую жизнь съ живыми людьми, имѣющими опредѣленные характеры, поступки, говорящими понятнымъ для насъ живымъ языкомъ. Жизнь дѣйствительная пронесится предъ нашимъ воображеніемъ въ созданіяхъ вымысла, но мы видимъ въ нихъ что-то близкое намъ и родное—нѣчто такое, что мы какъ будто и видѣли, и слышали, и наблюдали, но что не сумѣли ясно представить, а тѣмъ болѣе—выразить. Мы вѣримъ, что всѣ эти Печорины, Онѣгины, Татьяны, Чичиковы, Хлестаковы—не чистая выдумка автора, но что они гдѣ-то и когда-то или жили или еще живутъ, что многие люди думаютъ, говорятъ и дѣлаютъ похоже на этихъ людей («по-чичиковски»), («по-печерински») и т. п. Самыя имена этихъ вымышленныхъ лицъ становятся въ рѣчи образованныхъ людей нарицательными,—обозначаютъ цѣлыя группы лицъ, людей извѣстнаго времени, поколѣнія, вѣка. Литература

возсоздаетъ дѣйствительность; слѣдовательно, при ея помощи мы можемъ изучать историческій и современный бытъ. Въ исторіи бывають періоды, которые оставляють намъ лишь обрывки поэтическихъ преданій, и по нимъ историкъ только и возстановляетъ жизнь народа подобно тому, какъ натуралистъ по одной кости возсоздаетъ организмъ цѣлаго животнаго. А есть времена въ исторіи, когда всѣ данныя для нея заимствуются исключительно изъ памятниковъ поэтическаго творчества и въ нихъ мы имѣемъ, какъ, напримѣръ, въ Иліадѣ и Одиссеѣ, единственное свидѣтельство о жизни цѣлой эпохи. Правда, они не дадутъ намъ хронологически-точныхъ данныхъ и не познакомятъ насъ съ историческими подробностями событій, но нѣсколько словъ героя или рассказъ объ его одномъ дѣйствіи иногда разомъ откроютъ намъ разумнѣе духа цѣлаго періода исторіи. Общія положенія исторіи, добытыя долгимъ и кропотливымъ изученіемъ разныхъ вещественныхъ и невещественныхъ памятниковъ, иногда всего нагляднѣе иллюстрируются картинами исторической поэмы или пѣсней. Припомните описаніе удѣльной розни и лирическаго изліянія по поводу ея горькихъ чувствъ автора въ Словѣ о Полку Игоревѣ, или изображеніе великаго государственнаго дѣла Петра въ поэмѣ Полтава, и вы убѣдитесь, что поэтъ силою поэтическаго созерцанія прозрѣваетъ и открываетъ историческую истину не менѣе, чѣмъ историкъ. Наши былины, несмотря на грубыя ошибки хронологіи, въ общемъ даютъ то же представленіе о различныхъ формахъ древней народной жизни, которое добыто и учеными изслѣдователями родной исторіи. Современный бытовой романъ можетъ не только ознакомить съ нравами различныхъ слоевъ настоящаго времени и замѣнить подробный статистическій обзоръ событій или этнографическое описаніе, но и можетъ указать господствующій интересъ времени, а будущему историку онъ же поможетъ освѣтить наше время.—Но особенно цѣнный матеріалъ даетъ изящная словесность для изученія внутренняго міра человѣка—явленій душевной жизни. Недостатокъ наблюдений подробныхъ и точныхъ чувствуется наукой о душѣ на каждомъ шагу, особенно при изученіи сложныхъ явленій душевной жизни. Причина этого въ томъ, что нельзя отдаваться мысли, чувству и желанію вполне и безотчетно и въ то же самое время спокойно наблюдать свои душевныя движенія, изучать ихъ и описывать. Недостатокъ подробныхъ и тщательныхъ наблюдений

психолога можетъ восполнить изученіе тѣхъ изображеній душевныхъ движеній, которыя даютъ намъ великіе знатоки челоѳеческой души въ лирикѣ и въ такъ называемомъ психологическомъ романѣ. И въ области знаній о внутреннемъ мірѣ, какъ и въ области знаній о внѣшнемъ,—литература можетъ иногда возбудить новый вопросъ (напр. о психологіи массы), навести на мысль о существованіи какого-нибудь явленія, доставить примѣры для поясненія извѣстнаго закона.

Вообще значеніе изящной словесности въ дѣлѣ ознакомленія съ внѣшнею и внутреннею жизнью челоѳка чрезвычайно велико. Если признать правильнымъ принятое въ обычной бесѣдѣ людей сравненіе, утверждающее, что «жизнь есть борьба», то впечатлѣніе отъ этой борьбы (какъ она изображается у лучшихъ писателей), бываетъ далеко неодинаково до знакомства съ литературными произведеніями и послѣ знакомства съ ними. Передъ тѣмъ, какъ читать книгу, мы смотрѣли на эту борьбу съ внѣшней стороны, покойно и машинально, какъ любой заурядный и праздный наблюдатель глядитъ на обычные, стройныя и однообразныя движенія военнаго парада. *Писатель* беретъ насъ за руку и ведетъ вдругъ... на поле битвы: мы видимъ передъ собою яростную схватку иногда цѣлыхъ армій подъ смертоноснымъ градомъ картечи, видимъ, какъ земля устилается трупами и сквозь трескъ огнестрѣльныхъ орудій слышимъ торжествующіе клики побѣдителей и жалостныя стоны раненыхъ и умирающихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О церковной проповѣди.

Когда приходится слышать разговоры о современной проповѣди, то почти всеобщее сѣтованіе на проповѣдь составляетъ едвали не самый характерный мотивъ такихъ разговоровъ. Упрекаютъ проповѣдниковъ въ сухости, черствости, проповѣдь называютъ безсодержательнымъ, болѣе или менѣе искуснымъ съ внѣшней стороны, наборомъ словъ и т. п. Яснымъ обнаруженіемъ нечувствительнаго отношенія къ проповѣди со стороны общества

служить всѣмъ извѣстный фактъ: какъ только во время богослуженія начинается проповѣдь, церковь пустѣетъ, слушатели уходятъ. А если и остаются, то проповѣдь все-таки не слушаютъ, разговариваютъ другъ съ другомъ и откровенно показываютъ всѣмъ поведениемъ во время проповѣди свое нетерпѣливое ожиданіе конца ея. Рѣчи гласныхъ въ земскомъ собраніи печатаются въ газетахъ и журналахъ, о нихъ пишутся пространныя статьи. Проповѣдь можно встрѣтить только на страницахъ духовныхъ журналовъ, о разсужденіи, о мысляхъ, выраженныхъ въ проповѣди, о чувствахъ, ею вызванныхъ, — вы не прочтаете нигдѣ. Правда, такое равнодушіе къ проповѣди наблюдается, главнымъ образомъ, въ городахъ среди нашей интеллигенціи. Но и въ селахъ, среди крестьянъ, вниманіе къ проповѣди, хотя и больше, чѣмъ въ городахъ, но отличается какою-то неестественною напряженностью, свидетельствующею о томъ, что слушатели побуждаются къ такому вниманію больше умомъ, а не сердцемъ.

Не тайна и то, что сами проповѣдники-пастыри церкви не лучше смотрятъ на проповѣдь, не ждутъ отъ нея, повидимому, никакой пользы. Проповѣдь по обычнымъ воззрѣніямъ, — долгъ, обязанность, которая должна быть выполнена; но если бы проповѣди совсѣмъ не было, люди отъ этого не стали бы хуже. Выполненіе обязанности проповѣдыванія, между тѣмъ, представляется дѣломъ и хлопотнымъ, и труднымъ. Когда предстоитъ необходимость сказать проповѣдь, проповѣдникъ теряетъ спокойствіе духа; дума о проповѣди, о томъ, что *ея* *нужно сказать*, гнетущею заботою давитъ сердце. Надо *выдумать* тему для проповѣди, надо проповѣдь составить на бумагѣ, переписать, приготовиться къ произнесенію ея и т. п. На столѣ появляются сборники проповѣдей извѣстныхъ и неизвѣстныхъ авторовъ, различныя пособія, въ которыхъ можно найти готовую тему для проповѣди на какой угодно день и на какой угодно случай. Иногда, выбравъ такимъ образомъ тему, проповѣдникъ самъ старается разработать ее, при помощи, однако, всякихъ образцовъ и книжныхъ пособій, а иногда и просто списать готовую проповѣдь изъ старыхъ духовныхъ журналовъ, лишь бы она сколько нибудь отвѣчала избранной темѣ. Въ результатъ получается иногда и хорошее *сочиненіе* по догматическому или нравственному богословію, но не проповѣдь. Вліянія,

поучающаго слушателей, успокаивающаго ихъ сердце, возвышающаго ихъ нравственное сознание, такое сочинение «по проповѣдничеству» имѣть не можетъ, какъ бы хорошо ни было написано. А «что пользы въ золотомъ ключѣ, говоритъ бл. Августинъ, если онъ не отпираетъ двери, въ которую я хочу войти, или что за бѣда въ деревянномъ ключѣ, если онъ отпираетъ дверь?»?

Гдѣ же причина равнодушія къ проповѣди и со стороны слушателей и со стороны самихъ пастырей-проповѣдниковъ?

Причина эта кроется въ чрезвычайно узкомъ взглядѣ на проповѣдь, совсѣмъ несоотвѣтствующемъ ея общественному значенію.

По обычнымъ, еще изъ школы вынесеннымъ понятіямъ, проповѣдь должна представлять собою логически стройное, связанное и послѣдовательное развитіе мысли. Съ этой точки зрѣнія наставленія, совѣты, предостереженія и обличенія частныя и отрывочныя относятся уже къ обязанности пастыря *управлять* паствою, а не проповѣдовать. Совершенно понятно, что такое опредѣленіе характера проповѣди относитъ ее именно въ разрядъ «сочиненій», заставляетъ проповѣдника сосредоточивать свое вниманіе не на томъ, что важно и нужно услышать въ проповѣди его слушателямъ, а на томъ, чтобы проповѣдь его была стройнымъ цѣлымъ, безупречнымъ въ отношеніи логическаго развитія мысли. Если эта логическая стройность покупается полнымъ невниманіемъ къ потребностямъ слушателей—не бѣда, лишь бы логики не обидѣть. Поэтому и писаніе проповѣди, усидчивое корпѣніе надъ составленіемъ ея является обычнымъ спутникомъ проповѣдническаго служенія. Сколько труда и какъ мало въ немъ пользы...

А посмотрите на жизнь, всегда ли ея теченіе подчиняется этимъ строгимъ логическимъ законамъ? Всегда ли каждый изъ насъ живетъ и дѣйствуетъ по опредѣленному, развѣ начертанному плану? Не бываетъ-ли, напротивъ, такъ, что впечатлѣнія иногда одной минуты опредѣляютъ характеръ нашихъ поступковъ? И почему проповѣди не слѣдуетъ за дѣйствительною, будничною и всѣмъ намъ извѣстною жизнью? Почему проповѣдникъ не можетъ въ своей проповѣди руководиться смѣняющимися, пестрыми явленіями жизни, полагать въ основу ея эти именно явленія, а не искусственно построенный планъ логиче-

скаго развитія произвольно взятой мысли? Какая логика въ томъ, напр., оглашенномъ какъ-то въ печати фактѣ, когда сынъ убилъ свою мать только за то, что она не дала ему денегъ на водку? Доказывайте преступнику какими угодно холодными силлогизмами грѣхъ его предъ Божескими и человѣческими законами, — толку будетъ мало. Преступникъ самъ это знаетъ. И въ тоже время какъ можно расшевелить чувство преступника, разбудить заснувшую въ немъ любовь къ матери, если онъ услышитъ въ рѣчи вашей не голосъ логически правильной мысли, а голосъ сострадающаго сердца.

У насъ внѣдрился взглядъ на проповѣдь, какъ на типъ ораторскаго искусства. Благодаря этому, къ проповѣди предъявляются требованія такихъ свойствъ и качествъ, которыя не обходимы въ ораторской рѣчи, и совсѣмъ не необходимы въ проповѣди. Проповѣдь ни въ какомъ случаѣ не должна быть искусствомъ, не должна имѣть ничего искусственнаго ни въ содержаніи, ни въ построеніи. Она должна быть только голосомъ горящаго любовію сердца проповѣдника къ душѣ своего ближняго. И содержанія для проповѣди проповѣдникъ долженъ искать не въ своемъ умѣ, а въ душѣ своихъ слушателей, отвѣчать на тѣ вопросы, которые задаютъ ему слушатели, а не на тѣ, которые самому ему случайно приходятъ въ голову. Если проповѣдникъ не заботится объ этомъ, не старается понять, что думаютъ, чувствуютъ, чего ожидаютъ отъ него тѣ, которыхъ онъ хочетъ убѣдить своею рѣчью, если онъ не стремится, по образному выраженію древняго оратора, ощупывать пульсъ людей каждаго класса, званія и чина, чтобы знать о состояніи ихъ мыслей и чувствъ, то нечего ему удивляться, что проповѣдь его остается совершенно безрезультатнымъ словоговореніемъ.

Легко, разумѣется, взять произвольно какую-либо установленную и даже рекомендованную программу церковныхъ собесѣдованій и затѣмъ съ большимъ или меньшимъ усердіемъ выполнять ее. Но большой вопросъ, будетъ ли отъ такого проповѣдыванія дѣйствительная польза для слушателей. Въ этихъ случаяхъ духовныя нужды слушателей, ихъ духовныя запросы обыкновенно *только предполагаются известными*. На самомъ же дѣлѣ проповѣдникъ часто совсѣмъ не отдаетъ себѣ отчета, почему *своимъ* слушателямъ онъ говоритъ *то*, а не *другое*. Вслѣдствіе этого проповѣдь получаетъ чисто *теоретическій* только смыслъ, и слу-

шатели приучаются смотрѣть на нее, какъ на нѣчто совершенно чуждое ихъ жизни, ихъ обычнымъ житейскимъ дѣламъ и заботамъ. Слѣдованіе въ жизни и поступкахъ заповѣдямъ Христа также начинаетъ представляться совершенно несомвѣстимымъ съ житейскими заботами, и для христіанской жизни оказываются необходимыми какія то особыя условія, особая обстановка. И перестаютъ люди понимать, что Христосъ проповѣдалъ Свое ученіе всѣмъ и для всѣхъ, что истина Христова всеобъемлюща и можетъ и должна быть правиломъ жизни какъ для вельможи, такъ и для крестьянина, какъ для богача, такъ и для бѣдняка.

Въ июльскомъ номерѣ «Русскаго Богатства» за нынѣшній годъ г. Ан—скій сообщаетъ о томъ впечатлѣніи, которое производили на народъ, съ одной стороны печатныя книги о жизни другихъ народовъ, съ другой — устные рассказы о томъ же. Тогда какъ первыя не возбуждали къ себѣ никакого вниманія, послѣдніе слушались съ захватывающимъ интересомъ. Авторъ справедливо объясняетъ такое явленіе тѣмъ, что печатная книга говорила о томъ, что считалъ важнымъ и полезнымъ для народа ея составитель; при устномъ же рассказѣ слушатели имѣли полную возможность, задавая рассказчику вопросы, указывать то, что *сами* они считали для себя важнымъ и интереснымъ.

Наблюденія эти весьма поучительны для проповѣдника. Они заранѣе предрѣшаютъ такую или иную судьбу его проповѣди, показывая, какъ относится народъ къ тому, что ему *навязываютъ*, и какъ относится народъ къ тому, въ чемъ онъ нуждается, что считаетъ полезнымъ и нужнымъ для себя. У каждаго проповѣдника должны быть на первомъ планѣ религіозныя запросы его слушателей. А что такіе запросы есть и въ простомъ народѣ, и что онъ нуждается въ ихъ разрѣшеніи, — свидѣтель тому наше сектанство. И запросы эти должны быть разрѣшаемы не въ отрѣшеніи отъ дѣйствительной жизни и ея условій, а въ непремѣнной и тѣсной связи съ ними.

Если крестьянину или рабочему, живущему непрестанно заботою о томъ, какъ прокормить себя и семью, вы будете проповѣдывать объ отрѣшеніи отъ міра и суетныхъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, какъ единственномъ условіи согласной съ Христовымъ закономъ жизни, то онъ, конечно, не пойметъ васъ. Вы можете такую проповѣдь возбудить въ душѣ вѣрующаго отчаяніе, заставить его, отягченнаго мірскими заботами, потерять вся-

кую надежду на возможность для него жизни по закону Христа, — но другого вліянія ваша проповѣдь не произведетъ. Нѣтъ, не того должно достигать въ проповѣди. Вы должны научить, разъяснить крестьянину правду Христову такъ, чтобы она была понятна и близка ему *въ особенностяхъ его именно жизни*, чтобы онъ ясно уразумѣлъ, какъ онъ долженъ поступать, чтобы и среди постоянныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, о лишнемъ заработкѣ, о павшей коровѣ или лошади и т. п. быть истиннымъ ученикомъ Христовымъ, жить такъ, какъ заповѣдалъ Христосъ. Вы, такимъ образомъ, должны проповѣдывать и учить, ни на одну іоту не отступая отъ тѣхъ явленій, событій, которыя составляютъ жизнь вашихъ слушателей. Напротивъ, эти явленія вы должны постоянно держать, такъ сказать, передъ глазами своими и своихъ слушателей и освѣщать ихъ свѣтомъ ученія Христова. Надо помнить ту истину, что небо на землю свести нельзя, но необходимо стремиться землю приблизить къ небу. А для того, чтобы дѣлать это, необходимо землю эту, дѣйствительную, а не воображаемую, никогда не упускать изъ своего вниманія.

Представьте себѣ, съ другой стороны, отца, который говоритъ наставленіе своимъ дѣтямъ. У него одна цѣль — научить доброму дѣтей, и цѣль эта не выдумана имъ, не поставлена имъ себѣ усиленіемъ воли, — нѣтъ, она внушена ему его любовью къ дѣтямъ, подсказана характеромъ и склонностями дѣтей. И когда онъ наставляетъ дѣтей, онъ не заботится ни о логичности своихъ разсужденій, ни о внѣшней отдѣлкѣ своей рѣчи, а заботится только о томъ, чтобы дѣти поняли его и повѣрили ему. У него передъ глазами только эти дѣти его, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, съ ихъ дѣтскими радостями и печальми. Отецъ не пишетъ предварительно своихъ рѣчей къ дѣтямъ, говоритъ ихъ не приготавливаясь, — и скажетъ всегда задушевно, сердечно, потому что у него въ этомъ случаѣ надежнѣйшіе помощники и въ мысли, и въ словѣ — знаніе своихъ дѣтей и любовь къ нимъ.

Священникъ — духовный отецъ своихъ духовныхъ дѣтей. Недуги этихъ духовныхъ дѣтей его, ихъ радости и печали, вся обстановка жизни ихъ должны быть ему извѣстны также, какъ извѣстны дѣти родному отцу ихъ. А зная такъ своихъ духовныхъ дѣтей, пастырь не можетъ не полюбить ихъ. Какъ бы ни были нехороши люди, пастырь-проповѣдникъ не долженъ забывать, что никакая грязь не можетъ заглушить въ человѣкѣ

«искру Божию» и что именно «грязные»-то и нуждаются особенно въ любви и состраданіи къ нимъ. Тогда онъ въ состояніи будетъ не понять только, а прочувствовать всю жизнь своихъ духовныхъ дѣтей. А эта жизнь дастъ ему неисчерпаемый источникъ для проповѣдническаго слова. Проповѣднику-пастырю не нужно будетъ измышлять тему для проповѣди,—тема всегда будетъ дана въ жизни его духовныхъ дѣтей, въ ихъ духовныхъ нуждахъ и запросахъ; не будетъ проповѣдникъ томиться тяжестью лежащаго на немъ долга проповѣди,—проповѣдь будетъ для него не долгъ, а внутренняя потребность отца наставить своихъ любимыхъ духовныхъ дѣтей; не будетъ заботиться о словахъ и выраженіяхъ въ проповѣди,—знаніе нуждъ духовныхъ дѣтей и любовь къ нимъ подскажутъ ему лучшія слова и выраженія. Проповѣдь его явится свободнымъ выраженіемъ думъ и чувствъ проповѣдника о жизни своихъ слушателей. Она будетъ искренна, прочувствована, будетъ яснымъ свидѣтельствомъ того, что сказанное проповѣдникомъ составляетъ трепещущую суть души его самого. Какъ изъ переполненнаго сосуда влага неудержимо выливается наружу, такъ и проповѣдь будетъ неудержимымъ обнаруженіемъ жизни духа проповѣдника, его радостей и печалей, его тревогъ и сомнѣній, его любви и состраданія. И не можетъ такая проповѣдь, такой голосъ сердца не вызвать могучаго отклика въ сердцахъ слушателей.

Д. М.

Духовное вѣяніе о. Іоанна Сергіева на всю Православную Русь.

Минувшимъ лѣтомъ въ Нижнемъ Новгородѣ былъ о. Іоаннъ Сергіевъ (Крошталтскій). Его встрѣчали и принимали вездѣ, какъ и всегда. Это дѣйствительно пастырь добрый, полагающій душу за овцы своя. Приводилось намъ лично видать, какъ онъ учитъ людей, людей всѣхъ званій и состояній. Онъ, говорилъ лично намъ такія слова: «Я руководствуюсь сердцемъ; кого сердце мое заставляетъ приласкать, я приласкаю, на кого сердце мое какъ будто не обращаетъ вниманія, я къ тому не

внимателенъ или хладнокровенъ». Къ пастырямъ церкви въ Нижнемъ Новгородѣ онъ былъ внимателенъ, и вотъ какъ его заставило сердце съ ними бесѣдовать:

«Досточтимые отцы и собратія, сопастыри!

Вы сами, какъ вижу, люди, украшенные съдинами,—значить, сами богаты опытомъ жизни. Мнѣ вась нечему учить.

Но такъ какъ вы спрашиваете меня, какъ я достигаю благодатнаго дѣйствія на сердца людей, то я вамъ скажу: Я стараюсь быть искреннимъ пастыремъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, въ жизни. Поэтому я строго слѣжу за собой, за своимъ душевнымъ міромъ, за своимъ внутреннимъ дѣланіемъ.

Я даже веду дневникъ, гдѣ записываю свои уклоненія отъ исполненія Закона Божія: повѣряю себя и стараюсь исправляться.

Я цѣлый день въ дѣлахъ, съ утра до поздней ночи. Свое пастырское служеніе я совершаю не только въ Кронштадтѣ, но приходится часто путешествовать для этого по разнымъ мѣстамъ Россіи.

Меня осаждаютъ каждый день просьбами, такъ что иногда мнѣ тяжело и не хочется; но я дѣлаю, стараюсь удовлетворять всѣхъ просителей.

Гдѣ бы я ни былъ, а особенно въ Кронштадтѣ, я каждодневно самъ совершаю литургію и искренно и сердечно-усердно, и благоговѣнно приношу святую Безкровную жертву Богу о грѣхахъ своихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ.

Молящіеся видятъ и чувствуютъ мое искреннее, благоговѣнное служеніе и сами проникаются святыми чувствами и молятся усердно.

За каждую воскресную литургію я проповѣдую живое слово Божіе.

Въ моихъ поученіяхъ изображается моя внутренняя жизнь, моя душа; я безпощадно караю грѣхи, пороки и страсти человѣческія, обличаю заблужденія сектантовъ и раскольниковъ. И благодареніе Богу. Я самъ вижу плоды своихъ трудовъ.

Въ Андреевскомъ соборѣ, а онъ большой, народу бываетъ тысячъ до пяти, и все это множество слушаетъ меня, какъ одинъ человекъ; никакого шума, никакой толкотни; глаза всѣхъ устремлены на меня.

Когда я выхожу изъ храма, меня съ любовію окружаетъ народъ; всѣ съ сіяющими лицами; у всѣхъ видно благодатно-радостное настроеніе. Все это плоды—плоды моей молитвы и проповѣди.

Извините меня, досточтимые сопастыри, что я говорю такъ о себѣ... Боже, сохрани меня, чтобы я говорилъ это для самохваленія, Боже, упаси мнѣ, не я все это дѣлаю, а Благодать Божія, почивающая на мнѣ—священникъ...

Меня часто приглашаютъ для молитвы въ богатые и знатные дома, гдѣ много жертвуютъ. Этими средствами я дѣлюсь съ нищетою, которой такъ много стало въ наше время. Я посылаю свои ленты въ учрежденія и бѣдныя церкви, дѣлюсь съ собратіями-пастырями и вообще бѣдными людьми. Кромѣ сего мой довѣренный ежедневно подаетъ изъ моихъ средствъ тысячъ бѣднякамъ на хлѣбъ. Но я долженъ сказать, что я не вѣзмъ подаю: пьяницамъ, вообще кто надѣется только на ноги свои, попрошайничаетъ,—такимъ я не подаю.

Ко мнѣ часто приносятъ больныхъ, такъ называемыхъ обсноватыхъ, и просятъ, чтобы я помолился о нихъ. Въ такихъ случаяхъ я дѣйствую простотою своею вѣры. Обыкновенно подобные больные очень безпокойны. Когда ихъ приводятъ ко мнѣ, то они плюются, пинаются и при этомъ всегда, какъ замѣчено мною, закрываютъ свои глаза; но я приказываю открыть глаза. А такъ какъ больной не открываетъ, то я настойчиво требую: «открой глаза», и при этомъ самъ устремляю на него свой взоръ. Больной, наконецъ, открываетъ глаза. а я, смотря ему въ глаза, говорю: «Именемъ Господа нашего Иисуса Христа запрещаю тебѣ, духъ нечистый, выйди изъ него» и благословляю больного. Больной успокоивается, начинаетъ молиться, и я приобщаю его.

О, братіе, какъ много дано отъ Господа Бога благодати, и, если мы сохранимъ этотъ даръ Божій, то мы не побѣдимы.

Вотъ, досточтимые сопастыри, такъ я служу для славы Божіей, для прославленія Церкви Христовой и распространенія вѣры православной. Все это говорю вамъ искренно, какъ сопастырямъ, и, по вашему желанію, для пользы пастырскаго служенія святой Церкви и отечества».

Чтобы намъ сказать послѣ этого слова?!.. Послѣ этого слова у насъ на сердцѣ только одно: «*Благодатная рѣчь!*»...

Инопархіальныя извѣстія.

— 30 августа въ Даниловскомъ монастырѣ (Моск. губ.) произошло празднованіе 250-лѣтія со дня открытія мощей основателя обители, св. благовѣрнаго князя Данила. Во время всенощной, когда богомольцы помазывались (на пѣніи канона) св. елеемъ, имъ раздавались книжки «Житіе св. князя Данила».

— Съ 22 сентября въ 55-ти храмахъ г. Москвы, по благословенію Его Высокопреосвященства, имѣютъ начаться виѣбгослужебныя собесѣдованія съ народомъ. Собесѣдованія назначаются по воскреснымъ днямъ въ 4 часа вечера послѣ вечерни. Собесѣдованія должны соединяться съ общенароднымъ пѣніемъ.

Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ для собесѣдованій назначены болѣе удобные храмы.

Т-во П. И. ОЛОВЯНИШНИКОВА сыновья.

Въ Ярославлѣ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ:

парчи, готовыхъ священническихъ и діаконскихъ облаченій, покрововъ, пелень и воздуховъ.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

на одежды для престоловъ, жертвенниковъ и аналоевъ.

При настоящемъ номерѣ рассылаются подписчикамъ объявленія торговой фирмы «Проводникъ».

Содержаніе. Образовательное значеніе изящной словесности.—О церковной проповѣди.—Духовное вѣяніе о. Иоанна Сергіева на всю Православную Русь.—Инопархіальныя извѣстія.—Объявленіе.

Редакторъ Г. Преображенскій.

Дозволено цензурою. Ярославль 1902 г. Типолит. Губ. Зем. Управы.

ДИНОЛЕУМЪ

Т-ВА

„ПРОВОДНИКЪ“

**ПО СВОИМЪ ПРЕВОСХОДНЫМЪ
КАЧЕСТВАМЪ НЕОБХОДИМЪ ВСЮДУ.**

ПРОГРЕССИВНО УВЕЛИЧИВАЮЩІЙСЯ СБЫТЪ

ПРОВОДНИКЪ-ДИНОЛЕУМА

**ЛУЧШЕ ВСЕГО ДОКАЗЫВАЕТЪ
ЕГО ЦѢЛЕСООБРАЗНОСТЬ.**

ЭКИПАЖНЫЯ РЕЗИНОВЫЯ ШИНЫ

• ВЫСШАГО СОРТА •

**ЗА ПРОЧНОСТЬ И ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ
ПРИНИМАЕТСЯ ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО.**

2500 АМПЕРЪ ДИНАМО-МАШИНЫ.
ОСНОВНОЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ
5,500,000 РУБ.

СВЫШЕ 3000 ЛОШАД. СИЛЪ
ПАРОВЫХЪ МАШИНЫ.
ГОДОВОЙ ОБОРОТЪ
9,000,000 РУБ.

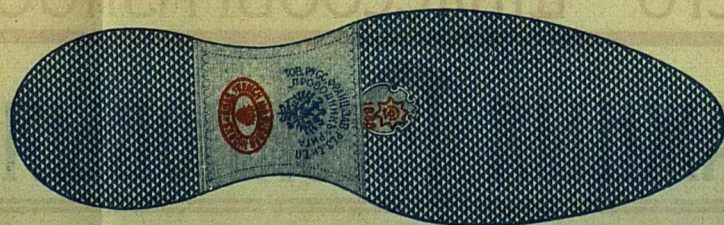
3000 РАБОЧИХЪ.

ГАЛОШИ Т-ВА „ПРОВОДНИКЪ“

за прочность и доброкачественность принимается
полное ручательство!

Ежегодный сбытъ **5,500,000** паръ.

ПРОСИМЪ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ, ВЪ ОСОБЕ-
НОСТИ НА ФАБРИЧНОЕ КЛЕЙМО И ГОДЪ 1888, КРОМЪ ТОГО НА КРАСНЫЙ
ШТЕМПЕЛЬ: „RUSSIAN FRENCH INDIA RUBBER WORKS“.

ТЕХНИЧЕСКІЯ, ХИРУРГИЧЕСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ
ЭБОНИТЪ, АСБЕСТЪ, ЛИНОЛЕУМЪ.